

ДИСКУССИЯ

УДК 930.23

ФИНАНСОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ МОНГОЛЬСКИМИ УЛУСАМИ ДЖУЧИ И ПЕРСИИ: КОНФЛИКТ И КООПЕРАЦИЯ*

Джудит Колбас

*(Институт нумизматики Центральной Азии
Кембриджского университета)*

Автор рассматривает непрерывную дискуссию о конфликте между Джучидами и Хулагуидами в трех частях и приходит к выводу, что этот конфликт основывался на прагматических и экономических интересах, а не теоретических или религиозных убеждениях. Автор подтверждает свои утверждения посредством привлечения нумизматических доказательств, что делается впервые в рамках упомянутой дискуссии. Статья состоит из трех разделов: первый касается джучидских претензий на Иран, второй рассматривает основание Ильханата, и третий анализирует альянсы. Последний раздел фокусируется на джучидском военном союзе с мамлюками и на финансовых консорциумах для организации торговли из Казани в Каир через Кавказ и Анатолию. Пристальный анализ монет бросает вызов интерпретациям летописцев, многие из которых писали позже описываемых событий; в то время как монеты были изготовлены в тот период и в тех географических местах, которые рассматриваются в данной статье. Этот анализ подтверждает вывод о том, что организация и сохранение благосостояния являлись главными факторами во взаимоотношениях внутри империи и между различными улусами.

Ключевые слова: Джучиды, Ильханат, Хулагуиды, Тебриз, мамлюки, денежная реформа, вассальная чеканка монет, надписи, монетные дворы, денежная стоимость, подушный налог.

Взаимоотношения между Улусом Джучи и Ильханатом были сопряжены с множеством конфликтов. Две основные причины были представлены в качестве объяснения этих конфликтов: 1) узурпация со стороны Хулагу Персии в 654–663 / 1256–1265 гг. для включения ее в свой собственный улус; 2) религиозные различия между двумя государствами. В частности, эти вопросы связаны с джучидскими

* Перевод с английского Романа Хаутала.

притязаниями на все персидские земли и с джучидским альянсом с мамлюками. Эти конфликты привлекали значительное внимание исследователей [1, 5]; как, совсем недавно, – Ильнура Миргалеева [11]. Однако в свете нумизматических данных, которые не были учтены ранее, ряд спорных вопросов возникает при рассмотрении этих тематик. Следующее далее изыскание имеет целью разработать более ясную картину финансовых интеракций этого периода, указывающих на важные сферы кооперации, как и столкновений, которые лежали в основе политических событий. Первая часть этого изыскания связана с джучидскими притязаниями на Персию. За ней следует часть, посвященная основанию Ильханата. И заключительная, третья часть исследования касается политических альянсов. Но самое главное, нумизматические данные показывают, что взаимоотношения развивались с течением времени и обстоятельств.

Если следовать интерпретации И.М.Миргалеева в качестве руководства¹, то причиной конфликта оказалось то, что (а) территория Персии была изначально предоставлена династии Джучи (ум. в 624/1227 г.) Чингиз-ханом (602–626 / 1206–1229 гг.) или согласно ранней традиции и что прибытие в Персию Хулагу нарушило этот первоначальный план. Поэтому и как доказательство вышесказанного, (b) хан Бату (624–654 / 1227–1256 гг.), сын Джучи, предоставил лицензии на правление ряду вассальных государств, таким, как Алеппо; но не хотел завоевывать Багдада. В результате, (c) только после смерти Бату, Хулагу смог перенести военные действия в Ирак и Сирию. Вследствие чего, (d) деятельность Хулагу привела к последующему созданию Ильханата. Кроме того, (e) религиозные чувства обратили Джучидов против Хулагуидов, поддерживавших христиан и разрушивших халифат; что привело к заключению внешних альянсов. Однако, для обоснования альтернативного исследования, нумизматические данные наводят на мысль, что все перечисленные пункты должны быть в существенной форме пересмотрены.

¹ Для обоснования своей точки зрения, И.Миргалеев [11] представляет сведения источников на русском языке. Для английского читателя нижеследующие цитаты, включая и синхронные источники, содержатся в статье Джексона [5], подтверждающей утверждения И.Миргалеева:

(a) Ссылки на Вассафа, Рашид ад-Дина, аль-Умари и многие вторичные источники для обоснования своей аргументации [5, p. 208–211], которые Джексон резюмирует на стр. 235: «главной причиной конфликта 1261–1262 гг. стало успешное, но незаконное присвоение толуидским правителем территорий, расположенных к югу и к западу от Амоля, которые до этого считались относящимися к джучидской сфере влияния в силу эдикта самого Чингизхана ...».

(b) [5, p. 224–225].

(c) Ссылка на аль-Умари [5, p. 224].

(d) Ссылка на аль-Умари [5, p. 232].

(e) все эти сведения он рассматривает в качестве указывающих на начало распада Монгольской империи [5, p. 237–238].

Джучидские притязания на Персию. Самое важное положение, которое монеты могут привнести в дискуссию о джучидских притязаниях на Персии; это доказательство того, что Персия не была частью родовых владений Джучидов. Регламент наследования является основой для этих дебатов. Каждая из сторон имела неписанное право или ясу для обоснования притязаний [5, р. 193–195]. Эта статья, однако, фокусируется на действительных событиях, которые определяли силу и эффективность этих законов в тот период времени. Джексон рассматривает имперское восприятие того, что земля принадлежала всей правящей династии: люди и право на выпас скота были предоставлены принцам в качестве улусов, но сама территория по-прежнему оставалась имперской землей. Это теоретическое положение не включало организацию военных подразделений *тамма* и их жизнеобеспечение с земли, приводивших к возникновению противоречий в системе [5, р. 192]. В действительности, эти закономерности проявились в первый раз в Персии между 640-ми и 652/1254 гг., когда джучиды имели влияние на события на Кавказе и в Северной Персии. Именно этот период, видимо, привел поздних хронистов к ошибочному предположению о том, что джучиды имели исключительные права на Персию и, в частности, на Кавказ. Развитие событий произошло в несколько этапов.

1. Первый этап. Рассматриваемая территория находилась под контролем центральной власти в Каракоруме посредством первого гражданского наместника Чин Тимура, назначенного великим ханом Угедеем (626 – 639/1229 – 1241 гг.)². Он чеканил официальные монеты в течение двух лет с 630 по 631/ 1233 по 1234 гг. с формулировкой «*Хан-и*» или «*Ка'ан-и*» [7, р. 92–96]. Позже восстание Тараби в 636/1238 г. привело к глубоким административным изменениям, включавшим расширение Третьей Имперской Провинции во главе с Коркузом до Азербайджана. Внезапно эта провинция покрыла остаток военных земель так, что «какие бы страны не были завоеваны войсками Чормагана (на запад) от Оксуса, они все были доверены ему Ка'аном, который дал ему ярлыки и пайдзы с этой целью» [6, р. 499; 7, р. 101]. Имперским центром новой провинции был Тус в Хорасане³, где чеканились монеты; но финансовая активность вскоре переместилась в Азербайджан в 637/1239 г., где также чеканились официальные монеты [7, р. 108–111]. Далее гражданский контроль распространился на ряд городов региона; в частности, на Тифлис в

² В соответствии с инструкциями Угедая Чин Темуру и Кул Боладу: «Хотя его территория является небольшой по протяженности ... и у него мало ресурсов ... мы утверждаем его и передаем управление Хорасаном и Мазендараном непоколебимо в его руки» [6, р. 486; 7, р. 91].

³ Впервые это было постановлено Коркузом, получившим повеление произвести имперскую перепись населения и обложить налогами жителей Хорасана [6, р. 493, 501; 7, р. 98].

Гурджистане и Гянжу в Арране, штаб-квартиры военачальника Чормагана. Эти усилия осуществлялись под руководством великого хана, поскольку Персия была Третьей Имперской Провинцией, а не частью джучидских родовых владений. Центральная власть также очевидна и позже, когда Аргун Ака в качестве наместника установил ее плотный контакт на западе к 642/1244 г.; и «султаны Рума, Сирии и Алеппо отправили к нему своих послов и искали его протекции и покровительства, и он направил эльчи в те края для обеспечения уплаты дани» [6, р. 508]. Следовательно, письменные и нумизматические источники показывают, что наместники Третьей Имперской Провинции властвовали над Хорасаном, Мазендараном, Азейбарджаном, северной Сирией и восточной Анатолией. Проблема, по видимому, возникла в позднейших источниках не из-за распределения территории Чингизханом, не обремененного излишними подробностями; но из-за преобразования его завоеваний в новые формации провинций под властью Угедея, которые продолжали развиваться в имперские административные единицы. Другими словами, это были две совершенно различные модели правления: одна – для имперских земель, и другая – для доменов принцев. Это фундаментальное различие лежит в основе дискуссии.

2. Второй этап. Однако во время междуцарствия после смерти Угедея и в течение правления нового хана, Гуюка (включая два регенства, 639–647 / 1241–1249 гг.), ситуация изменилась в связи со слабостью центра. Регионы Аррана и Кавказа стали полуавтономными, не подчиняясь прямому монгольскому контролю ни внутри империи, ни за ее пределами. Различные монетные выпуски предоставляют доказательства этого изменения в статусе. Примером является модификация монет со всадником, на легенде которых читается «Великий Монгольский Улус», а не Джучидский улус. В Нахичевани бывшие правители города, Ильдегизиды, восстановили свою власть и приняли руководство ординарными делами. Их династическая тамга с двумя точками внутри натянутого лука из их прежней независимой чеканки появилась на официальных монгольских деньгах⁴. С другой стороны, Тебриз и остальная часть Персии оставались в руках губернатора. У него также имелся влиятельный подчиненный, Шараф ад-Дин, прибывший из улуса Бату. Однако это не означало, как предполагают некоторые, что Бату возглавлял администрацию. Существуют и другие примеры, когда великий хан поручал джучидам руководство имперскими делами; которые, однако, не получали приказаний

⁴ Ильдегизиды восстановили практический контроль, по крайней мере, с 642 по 645/1244 по 1247 гг., согласно нумизматическим данным [7, р. 132–133]. См., например: [12, no. 130586].

от Бату⁵. В случае Шараф ад-Дина, он имел многочисленные проблемы при дворе Бату, где он неоднократно ожидал судебного разбирательства. Однако не Бату, а, скорее, Чагатаиды утвердили его в его должности в подчинении Аргуна и повелели ему собирать задолженности и налоги в Хорасане и Мазендаране. Важно, что он не был способен сделать это до тех пор, пока он не присоединился в Тебризе к своему начальнику, Аргуну. После этого он ввел в действие свою новую фискальную политику и сформировал прочную финансовую администрацию [6, р. 538–540]. Он работал с заместителем Третьей Провинции и собирал налоги для этой администрации, которую Аргун включил в состав своего казначейства после смерти Шараф ад-Дина [7, р. 130–131]. Вероятно, эта администрация и казначейство сотрудничали с Шараф ад-Дином в сборе внутреннего подушного налога, в то время как Аргун получал дань. Следовательно, как эта администрация, так и казначейство, получали финансовую поддержку для своей управленческой сферы.

Однако в тот момент, когда Гуюк стал ханом в 644/1246 г., чеканка монет была прекращена в столице провинции, Тебризе. Одной из причин этого было то, что два отдельных ставленника враждующих группировок при ханском дворе оспаривали контроль над Тебризом; и заместитель Аргун Ака смог разрешить проблему, только привезя всех заинтересованных лиц в ставку Гуюка⁶. Именно тогда вмешался хан Бату, поскольку центральный контроль был раздробленным, и с ним можно было не считаться. Заместитель, вероятно, доверил Бату следить за событиями в Азербайджане, Гурджистане и восточной Анатолии. Однако единственное указание на это дают только монеты. Первоначально монгольское, изображение скачущего верхом всадника также производилось в Тифлисе⁷, потом, с изменениями, в Сивасе, и позже оно было заимствовано в Булгаре к 646/1248 г. [7, р. 134]. Таким образом, официальные монгольские монеты чеканились только в Булгаре примерно в конце правления Гуюка. Следовательно, особенно около 646/1248 г., нумизматические данные не указывают на то, чтобы Булгар, коммерческий и оседлый

⁵ Например, Чин Тимур, Чормаган и Шараф ад-Дин были джучидами, но они не подчинялись Бату. В другом случае, позволяющем прояснить систему, Мунке позже назначил Нажм ад-Дина в качестве *улуг битикчи* Аргуна Ака и как представителя Бату в провинциях. Только после назначения Нажм ад-Дин проинформировал Бату о своей новой должности [6, р. 523].

⁶ Резкие перемены власти, которым был подвержен регион в течение этого периода, и появившиеся монеты, по большей части полученные в виде дани, рассмотрены в: [7, р. 124–139].

⁷ В 645/1247 г. Тифлис под контролем Багратидов отказался от монет с всадником и стал выпускать их с именем Гуюка. Поскольку упоминание великого хана не практиковалось на официальных монгольских деньгах; очевидно эти грузинские монеты были деньгами, полученными в виде дани [7, р. 135–137].

центр джучидского правления, имел, по возможности, значительное влияние на юге. Вследствии этого, подлинным источником последующих притязаний был в этот период конфликт между Бату и Гуюком⁸. В известном смысле, Джувейни подтверждал эти события, когда он утверждал, что «он писал предварительные тексты документов для султанов Рума и Сирии и даровал им ярлыки ...», поскольку монеты с всадником следуют из Тебриза в Булгар через Анатолию. Вероятно, эти деньги были скорее таможенными пошлинами, чем данью, сбор которой находился под контролем Бату. Если даже он брал деньги и хранил их в Сарае, этот не является тем же, что и написание предварительных документов для территорий. Упоминание в текстах Сирии и, иногда, Алеппо, вероятно, подразумевает некоторые крепости исмаилитов в этой зоне, а не Айюбидов. В действительности, неясно, что имел в виду Джувейни под «предварительными документами»; поскольку, если бы это были налоги, он использовал бы точный термин. Возможно, он указывал на сотрудничество с ортоками или торговыми консорциумами. Что касается выдачи ярлыков, вполне возможно, что он делал это, чтобы противопоставить их ярлыкам Эльчигидея, военачальника Гуюка, посланного им на запад. С другой стороны, утверждалось, что действия Бату по выдаче ярлыков побудила Гуюка отстаивать свою исключительную привилегию Великого Хана [5, р. 201]. Это вопрос о курице и яйце или о том, кто из них появляется первым? В конечном счете, для обоих это было скорее вопросом политической целесообразности, чем успешного применения суверенных прав. В заключение, следующая часть той же самой фразы Джувейни сообщает, что «... и никто из посетивших его [Бату] не отправлялся, не достигнув своей цели» [6, р. 267]. Это полностью напоминает его описание Угедея в Главе 23, будучи стандартной формулой восхваления, превозносящего важного правителя. Как и в случае предыдущих комментариев, действительные факты, предоставляемые монетами, рассказывают иную историю. Как бы то ни было, жесткий контроль над военными силами и непререкаемый авторитет Бату в степи вместе с постоянным поселением на левом берегу Волги в Старом Сарае позволил укрепить монгольское правление и держать под контролем полуавтономных Багратидов, сельджуков, Ильдегизидов и других вместе с пререкающимися монгольскими чиновниками. Однако это заключение не аналогично допущению того, что Чингизхан предоставил Джучи права на этот регион. Скорее эта конкретная ситуация была практическим результатом внутреннего разногласия и, видимо, она была сильно преувеличена поздними правителями и хронистами.

⁸ Причины глубоко недоверия и ненависти между ними приведены в: [5, р. 198–199].

3. Третий этап. События, последовавшие за эпической борьбой за обладание имперским тронном после смерти Гуюка, еще более запутывают рассматриваемый вопрос. Сразу же после того, как Мунке (649–658 / 1251–1260 гг.) упрочил империю, финансовый пакт между ним и Бату был формализован после возвращения Аргуна Ака из курилтая. Перед тем, как вступить в Третью Имперскую Провинцию, которой он продолжал управлять; он встретился с Бату, чтобы принять меры и обеспечить восстановление целостности империи. «Из каждой страны Персии, которые находились под юрисдикцией Мугалов, он [Бату] получал установленные ассигнования, и его агенты были назначены на те должности, которые ему отводились» [6, р. 519]⁹. «Установленные ассигнования», однако, варьировались от одной пятой части до трети от доходов с обоих регионов, будучи отосланными к Бату; тогда как оставшаяся часть оставалась Аргуну и центральной власти¹⁰. Эта регламентация отражается в полуассальном стиле монет, которые чеканились в течение нескольких лет, начиная с 650/1252 г. и далее. Эти разнообразные монеты, включая и монеты из Булгара, содержат имя и тамгу Мунке. Отправившись на юг через Тифлис и Тебриз¹¹, Аргун Ака продолжил свой путь в остальные части Персии¹² и стал чеканить монеты этого типа с именем Мунке в вассальных областях¹³. Эти деньги помогли стабилизировать финансы и смягчили отношения с политическими фракциями по всей империи. В этих областях он также выдал новые ярлыки и сделал назначения для своего персонала¹⁴. То, что Аргун Ака имел яс-

⁹ Об этой же программе сообщал слово в слово Джуджани [5, р. 242]. Также Джексон рассматривает это утверждение как обычный образец общей кооперации между Толуидами и Джучидами, но Джувеини здесь определен в отношении времени и условий. Рассмотрение событий, связанных со встречей, и ее результатов можно найти в: [7, р. 140–147].

¹⁰ Цитируя Ибн Шаддада и Ибн Василя [5, р. 220].

¹¹ Тебриз не выпускал этих стабильных монет, но начал новую программу, которая, в итоге, стала доминировать в Персии, Ираке и Анатолии [7, р. 151–155].

¹² Его передвижения становятся более заметными, как только он достиг Хорасана, поскольку монеты после этого указывают на монетные дворы [7, р. 147–150].

¹³ Все монеты с именем Мунке или его тамгой из стержня с двумя зубцами на обоих концах не были выпущены центральной властью, но локальными монетными дворами в соответствии с общими директивами дивана Аргуна Ака. Эта ситуация наблюдалась в 650–652 / 1252–1254 гг. [7, р. 142–149]. Один пример доступен в: [12, no. 27799]. Однако другие монетные дворы, как в Пуладе и Имиле, сохраняли тамгу Мунке до его смерти [12, no. 2435].

¹⁴ Перед отправлением к Бату, Аргун Ака издал в Каракоруме ярлыки всем своим маликам, таджикам и секретарям, управлявшим Персией. Каждому был препоручен свой регион для того, чтобы быть готовым произвести перепись населения для наложения подушного налога [6, р. 517–520]. Как ясно показывает более позднее назначение Нажм ад-Дина, все администраторы снова получили ярлыки и патенты от Мунке в 656/1258 г. [6, р. 523].

ные указания Мунке восстановить в прежних правах локальных правителей и собрать с них деньги; показывает, что любые патенты, которые Бату мог выдать ранее, потеряли законную силу на пике его влияния¹⁵. Немаловажно, что договоренность между Бату и Аргуном была расторгнута в связи со смертью Бату, поскольку подобные политические решения принимались персоной, а не государством. К тому же, в этот период джучидская борьба за престолонаследие привела к беспорядкам в степи¹⁶. Оба этих фактора вызвали прекращение чеканки повсюду в Персии в течение двух лет, с 654 по 655/1256 по 1257 гг. Однако еще более важной причиной было прибытие Хулагу, и Аргун был вместе с ним на востоке¹⁷.

Как только Берке (655–65 / 1257–67 гг.) укрепился, на троне, он стал требовать, чтобы эти доходы были пожалованы и ему¹⁸. По этому поводу существуют монетные свидетельства из Гурджистана. Эта область была соответствующим буфером между имперской и родовой территорией и сохранила в силе договор о разделении доходов. Там монетный двор Тифлиса производил монеты в течение пяти установленных месяцев с двумя отдельными месяцами для сбора той порции доходов, которые отсылались к Бату. До первой половины 660/1252 г. монетный двор, как обычно, выпускал монеты в пять месяцев с фиксированием месяца на легенде [7, р. 164]. Однако после битвы на реках Куре и Тереке в конце 660/1262 г., Хулагу перестал отдавать деньги, и монетный двор снизил выпуск до двух месяцев в году¹⁹. Следовательно, нумизматические свидетельства показывают, что Хулагу соблюдал условия контракта до тех пор, пока Берке не бросил ему вызов. Однако после стычек Берке по-прежнему нуждался в деньгах²⁰. Лишенный своей постоянной доли, он, в конце концов, начал чеканить свои собственные монеты. Этот выпуск был

¹⁵ Эта идея подразумевается, но не констатируется в: [5, р. 220].

¹⁶ Сражения за престолонаследие в Золотой Орде имели исключительную важность [детали в: 5, р. 223–224]. Мунке поддержал сына и внука Бату, что повлияло на отношения с братом Мунке, Хулагу, на юге. Берке, старший из оставшихся в живых братьев Бату, не признал эту формулу престолонаследия. Вместо этого он решил апеллировать к старшинству или боковой линии наследования. Обе системы были санкционированы степной традицией [5, р. 193]. Все это усугубилось в связи с последующей борьбой среди Толуидов за наследование имперского трона. После смерти Мунке, Берке поддержал Арик-буку против Хубилая [5, р. 328–330].

¹⁷ Вероятно, нестабильность на севере повлияла на Тебриз [6, р. 155].

¹⁸ Согласно мамлюкскому хронисту Ибн Шаддаду (ум. в 684/1285 г.), конфликт разгорелся вокруг притязаний Берке на персидские доходы [5, р. 227].

¹⁹ Это выпуск предполагает, что Джучиды получали три пятых от грузинских доходов.

²⁰ Хотя другие события, как грузинское восстание в 659/1261 г. и интриги внутри военных сил Хулагу, имели место в этот период; финансовая стабильность в регионе оставалась незатронутой в течение некоторого времени.

очень коротким и, как кажется, осуществлялся только на юге, а не экономическим центром Булгара²¹. В сущности, по истечении десяти лет договоренности между Бату и Аргуном о финансовой кооперации, она полностью потеряла свою силу. Это указывает на то, что Хулагу не признал никаких джучидских притязаний на Третью Провинцию или ее доходы. Вероятно, с политической точки зрения Берке выдвинул претензии на джучидскую власть над Персией для того, чтобы утвердить свое положение у себя; так как предыдущие контакты базировались на кооперации. В результате, антагонизм между Хулагу и Берке привел к первому открытому конфликту.

Основание Ильханата. Согласно нумизматическим материалам, по прибытию Хулагу Персия снова была утверждена как Третья Имперская Провинция и в качестве субъекта центральной власти Каракорума. Однако развитие событий привело к созданию нового улуса Хулагу и его наследников. В очередной раз эти этапы были следствием событий, основывавшихся на монгольских традиционных практиках, новых требованиях в организации администрации и, после этого, на целесообразности в условиях вакуума власти. Монеты отражают эти критические изменения и проясняют процесс непрерывной эволюции монгольского правления.

1. Первый этап. Главной задачей Хулагу, выступавшего в качестве представителя Монгольской империи, было вернуть Персию и Кавказ сильной центральной власти [7, р. 157]²². Военные силы Хулагу, вероятно, превышали силы, которые Чингизхан привел в Среднюю Азию; поскольку армия Хулагу состояла из подразделений других династий, и многие из этих подразделений были джучидскими. Для облегчения продвижения армии Каракорумом были осуществлены тщательно продуманные подготовительные меры, как строительство мостов и обеспечение пастбищами вдоль всего пути через Центральную Азию. Армия двигалась в «неторопливом темпе, что, возможно, было вызвано размером и громоздкостью военных сил» [2, р. 349]. Он покорил опасных исмаилитов и получил заверения в лояльности от таких вассалов, как салгуридский атабек Фарса [2, р. 340–341]. Кроме того, сначала он ничего не менял, и Аргун Ака был его главным администратором. Наместник прибыл туда уже за несколько лет до этого и ввел в действие политику упрощенного налогообложения, которое называлось подушным налогом или *кубчиром* и которое было предписано на курултае Мунке в 649/1251 г.

²¹ Все известные монеты чеканились в Крыму, возможно отражая систему уже оформившейся торговли с мамлюками через Черное море. См. пример в: [12, no. 16156].

²² Как признает И.Миргалеев [11, р. 220]. Взвешенная оценка первоначальной миссии Хулагу и последующего патента на правление, данного Хубилаем в 661/1263 г., представлена в: [1, р. 11–17].

[6, p. 517; 7, p. 139–140, 154–155]. Он уже собрал деньги в центральных городах каждой области и потом представил на рассмотрение этот налог в региональных штаб-квартирах. В случае Персии, это был Тебриз²³. Когда этот налог был впервые введен в действие, монеты продолжали следовать прежнему стилю 643/1245 г. Ни эти имперские, ни прежние монеты никогда не упоминали имени хана. Тебризская легенда содержала только надпись: «Величайший Хан»; на арабице – «Ка'ан ал-А'зам». Имя Хулагу так и не появилось на имперских монетах из столицы и ее вспомогательных монетных дворов в Третьей Провинции. Это нумизматическое свидетельство крайне важно для прояснения дальнейшего развития.

2. Второй этап. Примерно через год после того, как Хулагу установил имперскую власть, он стал расширяться, двинувшись в 'Ирак-и 'Араб и Сирию. Не существует указаний на то, что он двинулся туда только после смерти Бату. Скорее, его внимание было занято такими политическими и военными заботами, как управление многочисленной мульти-этнической армией и повторное утверждение финансовой политики и политической лояльности своих подданных. В результате чего, после того, как Хулагу завоевал Багдад, султаны Рума прибыли к нему с поздравлениями [2, p. 349]. Несмотря на это, синхронные источники содержат противоречивое объяснение его экспансии; одновременно утверждая, либо что он собирался прийти только в Персию, или же, что он собирался завоевать все те новые земли, до которых он смог бы дойти²⁴. Нумизматика способна прояснить эту проблему при помощи сравнения легенд. Монеты из недавно завоеванных земель, то есть от Джазиры до Дамаска, содержат его имя также, как и имя Мунке²⁵. Как уже отмечалось, монеты из Третьей Провинции никогда не содержали имени какого-либо хана. Эта разница между инскрипциями монетных дворов в землях, которые он захватил, и в землях Персии, которые уже находились под контролем империи; указывают на то, что новая территория принадлежала ему, а не имперскому правительству. И действительно, фискальная регламентация была столь же ясной: налоги с имперских земель отсылались Мунке, тогда как налоги с новых земель шли за-

²³ Свидетельство того, что фискальные власти посылали деньги в центральное казначейство, может явствовать из попытки Газана взять доходы с Хорасана для хана Гейкату в Тебризе [4, p. 367; 7, p. 283]. Это также подтверждается, когда в 676/1277 г. золотой чекан Тебриза был использован властями Багдада на серебряных слитках при их прибытии в Тебриз [7, p. 216].

²⁴ Джексон цитирует Рашид ад-Дина, в частности, для того, чтобы обосновать свое предположение о том, что Хулагу не получал повеления основать свой улус [5, p. 222].

²⁵ Имеется множество образцов, как, например, из Багдада [12, no. 32514].

воевателю или ильхану [7, р. 155–156]²⁶. Это разграничение в налогах было упущено при утверждениях, касавшихся, по большей части, Азербайджана и Кавказа и не принимавших во внимание другие регионы. Таким образом, улус Хулагуидов состоял бы только из 'Ирак-и 'Араб, Сирии и Египта, если бы Хулагу не был отвлечен от своей кампании смертью Мунке и некоторыми другими обстоятельствами. После этого, Хулагу взял себе больший контроль над Персией, в особенности потому, что борьба за избрание нового хана бушевала далеко на востоке, и Берке оказался вовлеченным в это противоборство. Хулагу укрепил свою власть во всей зоне Персии и настороженно следил за всеми возможными дезорганизующими факторами в ходе перемен. Одним из этих факторов было грузинское восстание в 659/1261 г. В сущности, он контролировал всю зону с того времени, как он в нее вступил. Но как свидетельствуют монеты, легально он мог требовать себе только те земли, которые он завоевал. Следовательно, подлежит обсуждению, в какой степени Джучиды могли обладать легитимной властью над Персией вследствие этой кампании.

3. Третий этап. Последний этап в очередной раз лучше всего иллюстрируется монетами. Этот этап приходится на время, когда весь регион фактически стал Ильханатом. В частности, не Хулагу, а его сын Абака-хан (663–681 / 1265–1282 гг.) был тем, кто начал интегрировать 'Ирак-и 'Араб с 'Ирак-и Аджам и Хорасаном, превратив их, тем самым, в Ильханат. Согласно монетам, Абака начал посмертно наделять своего отца титулом ильхана, но только на завоеванных территориях [7, р. 174; 12, no. 44896]²⁷. Потом, через два года после битвы при Герате, которая произошла в 668/1270 г., в 671/1272 г. Абака начал собирать все земли Персии, Джазиры и 'Ирак-и 'Араб в одну административную единицу²⁸. Однако внук Хулагу, Аргун-хан (683–690 / 1284–1291 гг.) был тем, кто продолжил объединение. Он преуспел со своей массивной монетарной реформой 684/1285 г., которая охватила не только регион Тебриза, но и могущественный Багдад, Мосул и даже Фарс. Одни и те же изображения и инскрипции появились по всей империи в более чем двадцати шести монетных дворах [7, р. 247]. Следовательно, нумизматические данные указывают на то, что создание объединенного государства так называемо-

²⁶ Это разделение отстаивается Филипом Ремлером [13], подчеркивающим предпочтение, которое отдавалось таможенным пошлинам на новых территориях, по сравнению с подушным налогом в имперском домене. Также и энциклопедист и математик Назир ад-Дин Туси рекомендовал это и другие финансовые предприятия [10].

²⁷ Титул ильхана впервые появился в Мосуле через год после смерти Хулагу. Этот посмертный титул ильхана Хулагу чеканился на монетах в течение десяти лет, с 663 по 673/ 1265 по 1274 гг., но только в Мосуле и на зависящих от него территориях.

²⁸ Этот длинный и трудный процесс рассматривается в: [7, р. 195–230].

го Ильханата заняло двадцать лет после смерти Хулагу. Однако к этому времени термин *ильхан* исчез из официального употребления²⁹.

В заключение, этот анализ демонстрирует, что усиление имперской власти было первоочередной задачей в программе действий Хулагу, потворствовавшей территориальной экспансии. Наградой ему за присоединение к империи большего числа земель должен был быть его собственный улус, и он стал стремиться к ее получению. Несмотря на это, сначала он и его сыновья строго сохраняли различие между имперскими и своими личными регионами. Однако после того, как последняя нить, связывавшая империю, была порвана в битве при Герате; это различие было также уничтожено в Персии. Прежняя совместная ответственность за администрацию Персией и Ираком была упрощена, и в конце концов, регион стал единым величиной в 684/1284 г. Процесс еще не был полностью завершен до того, как другие регионы, как Анатолия, не были присоединены в правление Газана (694 – 703/1295 – 1304 гг.).

Политические и финансовые альянсы

1. Политические альянсы. Согласно некоторым исследователям, конфликт между двумя династиями основывался на религиозной почве. Миргалеев цитирует ряд источников, которые говорят, что завоевание Багдада Хулагу вместе с казнью халифа и поддержкой, оказанной христианами, настолько повлияли на Джучидов, что они были вынуждены напасть на Хулагуидов или заключить против них альянсы [11, р. 223–224]. Однако другие ведущие исследователи не нашли солидной базы для этой мотивации, ссылаясь на притязания на права выпаса скота и обеспечение доходов как на причины вражды. И в самом деле, синхронные отчеты не приводят причин нападения Берке на Хулагу, поскольку они «молчат по поводу конкретной цели» [1, р. 80].

А. Первое возражение. Помимо крайне двусмысленного отношения, которое монголы проявляли к религии³⁰, утверждение о религиозной розни не может быть обосновано и монетами. За исключением грузинских выпусков, каждая серия из Персии под властью Аргуна и Газана содержит исламский символ веры и даже четырех первых халифов в правление Улджейту (703–716 / 1304–1316 гг.); включая и монеты Хулагу из самого Багдада в год его завоевания в 656/1258 г.

²⁹ После Тегудар-хана (681–683 / 1282–1284 гг.), слова *иль хан* никогда более не появлялись на монетах. Более того, они использовались только по отношению к ханам Хулагу, Абаке и Тегудару, участвовавшим в завоевании 'Ирак-и 'Араб, согласно легендам монетных дворов тех регионов [7, Table 5.7, 'Hulaguid Territories: 658–668 H', 176].

³⁰ Следует отметить верность Газан-хана традиционным монгольским обычаям, которые противоречили исламскому закону, в частности, женитьбе на вдове его отца.

Эти деньги также формулировали суру 3:26³¹, предоставляющую ему санкцию на власть на территории. Поскольку монета в государстве, в котором все платили свои налоги, содержала арабскую надпись и исламские воззвания; ильханы вряд ли могут считаться выступающими против ислама. Более того, эти монеты существовали даже тогда, когда в Персии наблюдалось сильное христианское и буддистское влияние, не говоря уже о иудейских и зороастрийских приверженцах, как и о различных сектах ислама, способствовавших крайней разнообразности культуры. Напротив, джучидские монеты того времени не следовали стандартам средневосточной практики и не формулировали приверженности к какой-либо вере и, тем более, к исламу. Старая поговорка – «подкрепи свои слова делом» – рекомендует исследователям отвергнуть религиозную аргументацию³².

В. Второе возражение. Религиозное возражение тому, что Хулагуиды якобы вынудили Джучидов искать поддержку у нового халифата в Египте. Этот логический ход мыслей не может быть обоснован, хотя Миргалеев утверждает, что: «Принимая во внимание реалии международной ситуации, Джучиды нашли новых союзников. Их главным союзником стал Аббасидский халифат, восстановленный мамлюками Египта» [11, р. 224]. Однако этот альянс, ориентировочно заключенный в 661/1263 г., был слабым с самого начала, поскольку за ним никогда не последовало каких-либо прямых действий. Более того, именно Бейбарс (658–676 / 1260–1277 гг.), мамлюкский султан, первым начал переговоры с Берке в 660/1262 г., поставив на религиозную карту. Он призвал Берке вести джихад, как он делал это сам против Хулагу [1, р. 81]. В следующем году они обменялись посольствами, пути которых пересеклись в Константинополе на наиболее безопасном маршруте; однако на этом контакты Берке с Бейбарсом закончились. Посольств не было с 663–665 / 1265–1267 гг. до прихода к власти Менгу-Тимура (665–679 / 1267–1280 гг.). Он не был мусульманином, отчего Бейбарс опустил тему Священной Войны, но продолжал призывать Менгу-Тимура к войне против Хулагу. Это тоже не принесло больших успехов. С другой стороны, ильханы были часто отвлечены Золотой Ордой и Чагатаидами, что позволило мамлюкам усовершенствовать их оборону. В результате, Хулагуидам понадобилось двадцать лет после первого вторжения для того, чтобы снова сфокусироваться на Сирии, и что они сделали при Абаке. Кампания завершилась их окончательным поражением во Второй битве при Хомсе в 680/1281 г. С этого момента, любой военный альянс

³¹ «О Аллах, Владыка царства! Ты даруешь власть, кому пожелаешь, и отнимаешь власть, у кого пожелаешь ...». *الْمَلِكُ وَتَنْزِعُ تَشَاءُ مِنَ الْمَلِكِ تُؤْتِي الْمَلِكَ مَا لَكَ اللَّهُمَّ قُلْ*. *قَدِيرٌ شَيْءٍ كُلِّ عَلَى إِنْكَ ۖ الْحَيُّ بِبَيْدٍ ۖ تَشَاءُ مَنْ وَتُؤْتِي تَشَاءُ مَنْ وَتُعِزُّ تَشَاءُ مِمَّنْ*

³² Также и Джексон не соглашается с религиозной аргументацией [5, р. 225–226].

мамлюков с Золотой Ордой был недействительным и ненужным. Более того, на протяжении всего времени не существовало военной стратегии, за исключением расплывчатого обязательства сохранять враждебные отношения с Хулагу и его семьей [1, р. 85–86]. Вскоре после той битвы, между мамлюкским султаном Калавуном (678–689 / 1279–1290 гг.) и Тегударом (681–683 / 1282–1284 гг.) было заключено соглашение в 683/1284 г., положив конец враждебным действиям между мамлюками и Ильханидами. После этого, через десять лет Тохта (690–713 / 1291–1313 гг.) и Гейкату (690–694 / 1291–1295 гг.) заключили мирный договор в 693/1294 г. между Джучидами и Хулагуидами. Возможно, что, когда Гейкату был наместником в Анатолии до этого, он начал налаживать связи с Тохтой, которые привели к заключению договора. Это произошло примерно в то же время, когда мамлюки отказались от своей кампании в Палестине, оставив за собой только Тир и Акру. И снова, они не ожидали военной помощи от Джучидов. По прошествии некоторого времени, вообразимый альянс между Джучидами и мамлюками ослаб настолько, что Газан даже полностью изменил требования и настаивал в 702/1302 г. на том, чтобы Тохта поместил имя Газана на своих монетах и упоминал его в пятничных молитвах. Также важно, что Газан приказал Тохте посылать ему годовой платеж. Однако Газан не был способен навязать ему свои требования [7, р. 334–335]. В результате, мирный договор 693/1294 г. оставался в силе, без существенных нарушений, до правления Абу Саида (716–736 / 1316–1335 гг.) [2, р. 374]. Следовательно, альянс между Джучидами и мамлюками в действительности не существовал на практике; и он не был вызван религиозными убеждениями.

2. Экономические альянсы

А. Первая часть. Утверждалось, что главной причиной заключения «договора» было стремление обеспечить постоянный приток рабов из территории Золотой Орды в Египет³³. Нет никаких сомнений, что гемузские торговцы были в союзе с византийским императором для осуществления этой торговли через Босфор. Однако транспортировка мамлюков также шла и через Анатолию и Малую Армению и, возможно, уже существовала до заключения соглашения между Калавуном и Тегударом в 683/1284 г. Приток живой силы был жизненно необходимым для египетской власти для поддержки эффективности армии и для собственной обороны против Хулагу и

³³ Новаторское исследование работорговли представлено Корпела [9, р. 192]. Хотя, главным образом, эта статья рассматривает XVI век и религиозные ограничения пленения рабов; она также отмечает, что белые рабы из далекого севера ценились в Персии и далее на юге, по крайней мере, с эпохи викингов. Эта торговля была чрезвычайно прибыльной, и ранние отчеты идентифицируют Казань/Булгар как основной рынок сбыта.

франков Палестины. Мамлюки действительно должны были вести войну, тогда как Джучиды – нет; поэтому предохранение торговли было главной целью мамлюкской внешней политики.

В рамках этой идеи возникает одно противоречие: существовала и активная торговля между улусами Джучи и Хулагу – признак кооперации между ними, а не напряженности. Большой объем активности проходил через Гурджистан – одна из причин, из-за которой регион был способен длительное время поддерживать особые отношения внутри Ильханата³⁴. К концу века грузины распространили свою деятельность на восточную Анатолию и, предположительно, на юг, в Малую Армению. В действительности, в течение первых семи лет правления Улджейту анатолийские торговые маршруты с севера на юг вытеснили все другие согласно географическому расположению монетных дворов³⁵. Вероятно, этот рост произошел благодаря торговому соглашению между Тохтой и Улджейту в конце 703/1304 г., поскольку Тохта продолжил сотрудничество с Хулагуидами. Этот торговый консорциум представлял коммерческую кооперацию между тремя сторонами.

В. Вторая часть. Эта торговля также имела и монетарный аспект. Джучиды использовали *миткал* или основную учетную единицу, равняющуюся примерно 4,30 граммам [7, Table 1.1, ‘Mithqāl Weights’, 21]; на которой основывалась чеканка их серебряных монет, составлявших 7/10 от ее веса и весивших 3,05 граммов. Однако они чеканили только половину этой величины со средним весом, примерно, в 1,52–1,58 грамм для каждой монеты³⁶. Этот *миткал* весом в 4,30 грамм соответ-

³⁴ Стоимость валюты неизменно приносила выгоду грузинам, которые обычно платили меньше налогов благодаря манипулированию весом и содержанием их монет. Это особенно заметно в течение 642–645 / 1244–1247 гг. [7, p. 136]. В другом случае, в течение 671–673 / 1273–1275 гг. некий грузин, видимо, были ответственными за центральный монетный двор в Тебризе и наложил его региональный весовой стандарт для всего Ильханата. Этот стандарт облегчил товарообмен и торговлю с Золотой Ордой посредством использования в улусе Джучи и Персии одного и того же *миткала* или основной учетной единицы [7, p. 205, как и Table 1.5, ‘Weight Standards for Silver Coinage: Chronological Chart of Main Mints and Types’, 27]. Грузия получила выгоду даже от массивной реформы Аргуна в 684/1285 [7, p. 248].

³⁵ Основная часть действующих монетных дворов находилась в Анатолии, предполагая, что прибыль с таможенных пошлин была главным источником доходов Ильханата, достаточным для осуществления деятельности государства в течение некоторого времени.

³⁶ Эта цифра была получена из 32 образцов, перечисленных в *Базе Данных Восточных Монет* для правлений Менгу-Тимура и Туда-Менгу, выпущенных в Сарае, и для правления Тохты, выпущенных в Укеке и Маджаре ал-Джадида. Важное исследование Алексея Бугарчева [3] показало, что последний тип монет, Тип 4, содержащий имя умершего халифа ан-Насир ли-Дин Аллаха, имел средний вес в 1,58 грамм. Этот тип был, вероятно, выпущен в конце 640-ых гг., до прихода к власти Мунке-хана. Эта находка показывает, что монеты, которые

ствовал *миткалу* Гурджистана и переместился в Анатолию в ходе монетарной реформы Газана [7, р. 327]. Он также был близок тяжелому мамлюкскому *миткалу* весом в 4,33 грамм [8, «Metrology»], достаточно близкому для того, чтобы быть схожей единицей. Следовательно, эти цифры предполагают, что Джучиды и мамлюки имели совместный монетарный консорциум или альянс, который включал грузин. В результате, большой объем торговли шел через Анатолию, прямо через ильханидскую территорию. Тебриз получал свои торговые пошлины сельджукскими деньгами Рума; но, когда Газан сместил последнего султана и присоединил Анатолию к остальным территориям Ильханата, стоимость транзакций была включена в платежи. Наиболее основательная информация об этой практике содержится в эдикте Газана, провозглашавшем его реформу, в секции, объясняющей физический вес товаров. Там заявлялось, что дистрикты с более низкими стандартами должны были поднять их до весового стандарта Тебриза; тогда как дистрикты, использовавшие более тяжелые стандарты, чем в Тебризе, должны были принять их равными тебризскому [7, р. 314]. В применении к монетам это значило, что грузинские/анатолийские и, следовательно, джучидские деньги были равны монетам других частей государства, где применялся *миткал* весом в 4,24 грамм. Следовательно, ильханы приобретали около 1,4% от миткала с каждой принудительной конвертации при обмене румских–джучидских денег на ильханидские, исходя из одинакового серебряного содержания. Не существует документации, позволяющей предположить, что такая ситуация наблюдалась в более ранние годы. Однако эдикт вызвал новое развитие событий. Как уже указывалось, Газан обнародовал свой новый закон в 698/1298 г. и позже попытался взыскать годовой платеж с Тохты в 702/1302 г., что привело к переговорам и заключению торгового договора в следующем году при Улджейту. Джучидский монетарный консорциум с румско-мамлюкской системой предполагает, что также и Ильханиды получали прибыль посредством позволения или даже поощрения торговли, проходящей через их территорию.

Общее заключение. В целом, вражда между династиями Джучи и Хулагу смягчалась важными программами по кооперации. Источники представляют эту вражду как территориальные притязания или аспекты джихада. И действительно, близость периода перемен способствовала джучидскому влиянию в Персии, но правители никогда не учреждали администрации или выпускали монет в Персии; и не существует документации по администрации джучидской территории для этого периода, чтобы сравнить развитие в двух регионах. В

позже неизменно выпускались Менгу-Тимуром и его наследниками, имели вес, установленный в период Бату. Египтяне имели свой весовой стандарт, по крайней мере, с 637/1239 г., который идентифицировался посредством стеклянных монетарных грузов [8, «Metrology»].

результате, монетные дворы и инскрипции предоставляют великолепные свидетельства для их политики.

Джучидский альянс с мамлюками заслуживает внимания с экономической, а не военной точки зрения. Один исследователь пришел к заключению, что «для Золотой Орды вопросы верховной власти и доходов были коренными причинами, как для войны между Джучидами и ильханами, так и для альянса между мамлюками и Золотой Ордой; как это свидетельствует ... позднейшее развитие при немусульманских правителях Золотой Орды» [1, р. 83]. Действительно, монеты предполагают, что главной проблемой, как для Хулагуидов, так и для Джучидов было получение доходов, либо в виде подушного налога, либо с таможенных пошлин. Таким образом, кооперация в финансовых и торговых делах явно имела место, в особенности, в конце правления Гуюка, в течение первых пяти лет правления Мунке, во время правления Газана и в начале периода Улджейту. Соответственно, прибыль от торговли, их главный источник доходов, не считая натурального хозяйства, благоприятствовала примирению между этими двумя государствами. Тем не менее, другие факторы воздействовали на взаимоотношения, как внутренние политические интриги, которые были, в особенности, дезорганизующими в ходе споров о престолонаследии, как в своем, так и в других улусах. Одним словом, действия обеих династий, как кажется, не сильно отличались от других государств своего времени, постоянно испытывавших своих соседей, но осознававших, что кооперация приносила больше позитивных результатов и с меньшим трудом, чем это делало противостояние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Aimtai-Preiss R.* Mongols and Mamluks: The Mamluk- IlKhānid War: 1260–1281. Cambridge, Cambridge University Publ., 1995. 272 p.
2. *Boyle J.A.* Dynastic and Political History of the Il-Khans // The Cambridge History of Iran. V. 5. The Saljuq and Mongol Periods / Editor J.A. Boyle. Cambridge at the University Publ., 1968. P. 303–421.
3. *Burgachev A.* The First Mongol Coinage from Russia. Private communication. 2014.
4. *Howorth H.H.* History of the Mongols. Part III. The Mongols in Persia. Longmans, Green and Co., London, 1888. 776 p.
5. *Jackson P.* The Dissolution of the Mongol Empire // Central Asiatic journal. Vol. 22 (1978). P. 186–244.
6. *Juvaini 'Ata Malik.* Genghis Khan, the History of the World Conqueror / Translated and edited by J.A. Boyle. Manchester University Press, Manchester, 1997. 763 p.
7. *Kolbas J.* The Mongols in Iran. Routledge, London, 2006. 414 p.
8. *Kolbas J.* Metrology. Catalogue of Mamlūk Glass Weights. Royal Numismatic Society, London, forthcoming.

9. *Korpela J.* Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th Century // *Golden Horde Review*. Vol. 3 (2014). P. 191–204.

10. *Minovi M., Minorsky V.* Nasir al-Dīn Tusī on Finance // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. Vol. 10 (1939 – 42). P. 755–89.

11. *Mirgaleev I.* The Golden Horde Policies toward the Ilkhanate // *Golden Horde Review*. Vol. 2 (2013). P. 217–227.

12. Oriental Coin Database. Available at: zeno.ru.

13. *Remler Ph.* New Light on Economic History from Ilkhanid Accounting Manuals // *Studia Iranica*. Vol. XIV (1985). P. 157–77.

Сведения об авторе: Джудит Колбас – профессор, член Института нумизматики Центральной Азии Кембриджского университета, Ph.D. (Кембридж, Великобритания); sa.numismatic@gmail.com

FINANCIAL COOPERATION BETWEEN THE MONGOL ULUSES OF JOCHI AND PERSIA: CONFLICT AND COOPERATION

Judith Kolbas

(Central Asian Numismatic Institute, Cambridge University)

The continuing debate about Jochid – Hulaguid conflict is examined in three parts, which conclude that conflict was based on pragmatic and economic rather than theoretical or religious concerns. The author supports the argument by incorporating numismatic evidence into the discussion for the first time. The article has three sections, the first dealing with Jochid claims to Iran, the second with the establishment of the il-Khanate and the third with alliances. The last section focuses on the Jochid military alliance with the Mamluks and then the financial consortia for trade from Kazan to Cairo through the Caucasus and Anatolia. A close look at money challenges the interpretations made from chroniclers, many of whom wrote later than the events. Coinage, on the other hand, comes from the times and places concerned. It supports the conclusion that organizing and retaining wealth was a primary factor in relations within the empire and among various *uluses*.

Keywords: Jochids, Il-Khanate, Hulaguids, Tabriz, Mamlūks, monetary reform, vassal coinage, inscriptions, mints, currency values, poll tax, customs duty, slave trade, Third Imperial Provence, civilian governors, Bulghar, Georgia, Anatolia.

REFERENCES

1. Aimgtai-Preiss R. *Mongols and Mamluks: The Mamluk- IlKhānid War: 1260–1281*. Cambridge, Cambridge University Publ., 1995. 272 p.

2. Boyle J.A. Dynastic and Political History of the Il-Khans. *The Cambridge History of Iran*. Vol. 5. *The Saljuq and Mongol Periods*. Editor J.A. Boyle. Cambridge at the University Publ., 1968, pp. 303–421.

3. Burgachev A. The First Mongol Coinage from Russia. *Private communication*. 2014.
4. Howorth H.H. *History of the Mongols*. Part III. *The Mongols in Persia*. Longmans, Green and Co., London, 1888. 776 p.
5. Jackson P. The Dissolution of the Mongol Empire. *Central Asiatic journal* 22 (1978), pp. 186–244.
6. Juvaini ‘Ata Malik. *Genghis Khan, the History of the World Conqueror*. Translated and edited by J.A. Boyle. Manchester University Publ., Manchester, 1997. 763 p.
7. Kolbas J. *The Mongols in Iran*. Routledge, London, 2006. 414 p.
8. Kolbas J. Metrology. *Catalogue of Mamlūk Glass Weights*. Royal Numismatic Society, London, forthcoming.
9. Korpela J. Baptized and Not Baptized Nemcy in the Muscovite Society of the 16th Century. *Golden Horde Review*, 3 (2014), pp. 191–204.
10. Minovi M., Minorsky V. Nasir al-Dīn Tusī on Finance. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 10 (1939 – 42), pp. 755–89.
11. Mirgaleev I. The Golden Horde Policies toward the Ilkhanate. *Golden Horde Review*. 2 (2013), pp. 217–27.
12. Oriental Coin Database. Available at: zeno.ru.
13. Remler Ph. New Light on Economic History from Ilkhanid Accounting Manuals. *Studia Iranica*, XIV (1985), pp. 157–77.

About the author: Judith Kolbas – Professor, Member of the Central Asian Numismatic Institute, Cambridge University, Ph.D. (Cambridge, United Kingdom); ca.numismatic@gmail.com